

Б.Е. Колумбаев*

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: biseke46@mail.ru)

В вертикали самопознания - к бытию из ничто

В статье часть книги «К ТВОРЧЕСТВУ...», в которой переосмысливаются время и пространство в хроно-топосе человека, в которой он представляем во вселенском состоянии с приоткрывающейся душой во встрече времени оттуда–сюда, заявляется и манифестируется, что душа в духе опосредствует разум в «ничто» и из «ничтошной точечности» человек раскрывается, возвышаясь в душевно-духовном самостоянии. В ходе проводимых исследований человеческое было выявлено как промежуточное состояние общественного человека, данное в деятельности, общении, творчестве и определяемое борьбой со временем в общении, совмещением абстрактного Я и конкретного Другого в творчестве. Человеческое фиксируется и как духовное единство человека, наряду с закрепленным в общественных отношениях формальным единством, которое отстает от становящегося многообразия индивидуальностей. Была выявлена необходимость теоретического смещения от внешней ограниченности к внутренней (субъектной, индивидуальной, уникальной) беспредельности, мировоззренческого преодоления случайного индивида в свободной индивидуальности. Предназначение человека, таким образом, усматривается обратно к познанию в мире сем. Оно, конечно, подмечается в самопознании как он «не есть» из вечности, но как таковое открывается во вдохновении с испытываемым возвращением к ней в конечной истине души из заблуждений наяву и предупреждений во сне. Постигание времени открывает возможности для человека в пространстве, которые достижимы в этом мире. Они и реализуются в свободах, а исключительно как свобода воли.

Ключевые слова: хроно-топос, человек, время, пространство, творчество, самопознание, душа, третий человек, философия человека.

Введение

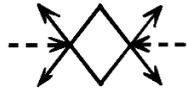
Не надо забывать о самопознании, если даже невольно забылось, что то же естественно от души к творчеству...

А все дело в том, что вселенская рефлексия на себя в душе, в самопознании должна иметь место, отсылает в самозабвении из ничто к творчеству, посылая в нем бесконечно к вечности. И это в той же мере измеримо, в какой обратилось на себя в пустоте бытия, чтобы обрелось бытие вселенское из ничто. Что, впрочем, и называется «свободной индивидуальностью в идеальной тотальности» человека от рода в гениальности творчества. Самопознание в непосредственности (осуществления) из окружающей среды в ее телесности или пустоте пространства в интересубъектности, или трансубъектности, в полой субстанциальности вещной или разумной тотальности и т.д. есть «свербящий ад» (В. Яковенко), а потому оно, по возможности, и осуществляется к творчеству из ничто. Когда кругами подступа к себе (в повседневной обыденности) из всего остального мира и выбирается отсюда–туда в душе к духу, подбираясь к нему ансамблем, хором, гармонией голосов из душ, в круговерти заблуждений ее со встречами в разговорах из слов друг другу и языка контекстного друг от друга (во всем «естного» текста) в текстualityности вообще мира сего, снизу–доверху, который «автоматически» и круговращательно, поэтично и уровенно-сверхуровенно читается, чтобы надрываясь в дыхании и спотыкаясь вещно, все же облегчится во облегчении из отрыва творчества в конце концов как субъект-субстанциальном прорыве уже в познании, но в вертикали самопознания к бытию из ничто.

Самопознание должно быть вселенски перспективно для творческого освобождения, от себя в душе во вселенском же предназначении человека. И собственно поэтически об этом и заявляется, предъясняясь в стихо-творении отсюда–туда. Но обратно осознается из музыки как в ничто из вселенской судьбы, вселяющейся в душу до ее разрыва на нет, но все же до ничто, при этом не доставая, а предупреждая во человечестве (органно, гармонично-трагично) о необходимости сохранения души, даже если она отдается в том до ничто, чтобы сохранится?! Вроде в духе творчества для душ?!

* Автор-корреспондент. E-mail: biseke46@mail.ru

Так что, если подлинный голос может быть и отсюда–туда, и оттуда–сюда (в конце концов), то время как свет – в мире остального из самостояния человека преломленно, во цветах из художествен-

ного очарования предстает: . Поэзия играет с трагедией в духе музыки. То есть душа поэтична, а дух музыкален, поэтому и диалектика творчества есть душевно-духовная диалектика. Если вообще диалектика на что-то еще годится?! Но она кажется в том и сохраняется в своей символической ценности, что позволяет внять творчество во всем его вселенском размахе из душевно-духовных измерений?

Художнику глазами слышится; в поэзии слышится то, что видится, а в музыке (глубокой) видится то, что слышится свыше до привидений в себе?

Одним словом, самопознание всегда посредственно и сподручно из сего мира для творчества. Но (именно поэтому) достаточно ли его, если (тем более) оно из познания мира внешнего есть обращение на себя вроде? И оборачивается при этом от чего?

Без самопознания не обойтись никак, это понятно. Но откуда знать, что оно из вселенской рефлексии осуществилось в творчестве? Только постфактум из самого творчества? В предметности его воплощения-возвращения из душевно-духовных порывов-отрывов отсюда–туда? Как бы в определении бытия из со-знания? В сознанием определенности бытия, о чем назойливо-настойчиво из вселенски-всесветного упрямства твердилось в «философском идеализме»? Параллельно с обратнo-противоположным в «материализме» положением-решением основного вопроса философии о том, что «бытие определяет сознание» и именно оно «первично...»?!

Неужели до сих пор философская мысль бессмысленно-отрешенно от мудрости, вне мудрости, но лишь в потугах к ней билась вокруг творчества, на самом деле из самостояния человека, не понимая его в творческом самостоянии?

А все из-за отсутствия культуры и наличия цивилизации в унылой и тупой пространственности и безвременьи в мнимой «одновременности» из разновременности ее-то, как раз и в самый раз, по существу в со-временности всякий раз и продолжающихся до сих пор «разгах», дошедших, доташившихся, дотянувшихся до XXI века?

Были перевалы — перепады с ног на голову человека в человечестве, провалы — возрождения религиозно-светские, материально-духовные, а тут еще подоспело Просвещение, а вслед за ним и НТП, и все теперь — приехали, подступились к «концу света» во мракобесии цивилизационном человечества из вселенной, когда оно ощутило себя в самодостаточной скорлупе современной глобальной замкнутости на себя? До-центробежилось к тупости в разуме из всего этого мира под «носом головы»?!

Так что, и «язык» — с «головой» подошли к окончательному разрыву для раздвая из мира сего как вполне доступного научно-технически во владение им в себе и для себя в человечестве.

Самостояние человека, едва наметившись в культуре «истончилось-уточнилось» настолько, что оно, сдается уже, оборотилось «мимолетным мгновением» или видением в привидениях из сна?

Неужто это из самопознания в познании внешнего мира выжалось до «дольней лозы прозябания», о чем грустил про себя уже А.С. Пушкин? При всей его радости от «духа Просвещения»? Потопился Александр Сергеевич, относительно прогресса в познании или он еще не мог догадываться о самом «прогессе» как размазывании человечества по миру сему в распространении разума как логически-автоматически-физически рассудка в его возможной вообще распространяемости?

Но если свернуться из этих размышлений, то вокруг творчества и не должно быть досужих разговоров, а для этого и надо... чтобы подоспела мудрость к одновременности в разновременности отсюда–туда из отсюда–туда. И это-то и значит, что должное быть осеняется из возможного как, для чего и во имя чего быть? Бытие определяет со-знание должным образом, чтобы оно моглось человеку вселенски из сознания в ничтожности человека? Вот вся мудрость, но которая испытывается в любви к совершенству. А это всегда открытый вопрос в самостоянии человека из точности бытия в существовании среди других, в восклицании из искусства в культуре под небесами и в бесконечности вопрошания о самом себе перед вечностью от вселенной, что он есть на самом деле в этом мире как он «есть» в нем, будучи никогда «еще не есть...» в смелости к тому, чтобы быть, несмотря ни на что из познанного в самопознании: «...!?».

Методология исследования

Методической основой статьи выступает совокупность методолого-теоретических принципов и направлений в исследовании феномена творчества. В определении данного исследовательского вопроса автор применяет следующие научные принципы: объективность, единство, систематизированные принципы, а также компаративистские, исторические, герменевтические исследовательские методы.

Результаты и обсуждение

Одновременность в разновременности (ножницы должного и возможного) и выдерживает мудрость всетерпимости человека от человечества. В ней он не только открывается, приоткрываясь как всегда и было из познания в самопознании (начиная с Сократа) на мир сей, а раскрывается из ничто на вселенную, притом что и не отрывается в себе человеку в ней от человечества, а испытывается в нем же во вселенском состоянии самостояния из вселенности самой вселенной — через весь мир сей в наличной представленности его из познания в самопознании, с поддержанием его над собой в возвышенном опосредовании оттуда–сюда для отсюда–туда во представлении — воображении на границы сумасшествия, но с сохранением разума в том.

И опосредованию теперь кажется надлежит-подлежит информация? Чтобы из человечества ро-

дился человек: . Как из круглой земли откусилось в ней в отпуске к допуску под вопрошание перед вечностью, что же он есть и может быть во представлении человеческого от человечества в себе? Как вообще поступить с собой в этом представлении? Что же ему делать предстоит теперь, представши освобожденно-рожденным?

Но это, наконец-то, и будет вселенским состоянием в полнейшей раскрытости из универсальности и открытости из уникальности между небом и землей, от звезд над головой и от Земли-Матушки как планеты, но не рядовой, а из Зелени Голубой, т.е. Голубо-Зеленой оттуда–сюда.

Это рожденное в человечестве и от человечества представляемо-выставляемое отсюда–туда существо и есть, наконец-то, Третье Существо Человека в его имманентности-трансцендентности, субъектности-субстанциальности, ну а по творчеству уникально-универсальное существо человека как такового. По творчеству он (человек) перестает быть мимолетным видением или к мимолетному видению устремленное промежуточное существо как в стороннем присутствии наблюдательное в он-существо. Или как в познании, выдерживая объективность подхода, должен сдерживать себя в субъективности. Ну, а в повседневности мелькать, мельтешить между собой и другими стихийно и не отдавая в том себе отчета в рефлексии мыслей, а лишь автоматически-механически снуя челочно в междусубъектности. Это все «третий человек».

А догадался об этом, что был сон об объявлении войны и предупреждении о том к готовности. Затем была семейная неурядица...и опять война?! Некоторые отправились — направились на помощь. Я вернулся и застал на крыльце дома вновь нелады в семье... С призывом к освобождению — возвращению?!

Потом реальное событие. Накануне, после лекции, обыскался с ключом на кафедру и стал стучать-барабанить в дверь. Сбоку заметил Б-ва, болтающего с Ж-вой. Он подошел и, открывая дверь, сказал: «Ты себе по голове постучи!» На что я ответил: «Это ты себе по голове постучи, козел, стоишь и ля-ля...»!

Все это, сдается, и было намеком на «третье существо», в коем я сам и предстал, в этих снах как о войне, так и относительно в чуждости к своей жене, а тем более и явно в ситуации с Б-м, но тут даже яснее ясного, когда он сказал: «Ты себе постучи по голове!» Стало быть, в «третьем существе человека» и выступает теперь спросонья после вчерашних умозаключений по «творчеству о самостоянии» из философского осмысления «по мудрости» (см. выше)?! Нет худа без добра! Как из сна, так и с яви получается вообще-то!

Третий человек многомерен как от ничто до вселенной, так и элементарно на каждом шагу во присутствии из этого мира. Причем, если эти шаги просто проходятся (без усилий, хотя они тем не менее должны прикладываться физически) в переступании через ничто, то в беспределе вселенской ничто и выпирает, подпирая явно из телесного нечто в самостоянии к небесам. То есть ничто из творчества явно телесно и отправительно в том к возвышению отсюда–туда до отрыва, но по сути безотрывно в чувственно-сверхчувственной, протянутой натянутости в подтянутости-вытянутости из ничто в нечто на все, что можно себе вообразить из вселенной в мире для себя.

Результат творчества — это начало конца «третьего человека» как вообще в совершенстве достижений из творчества в завершенности человеческого в человеке. Которое до этого гуляло по свету в стихийности заблуждений из души в духе среди других в особенности как себе подобных в разуме, взламываясь и корёжа в судьбе, но никак и не избавляясь от нее, а лишь корчась из нее, будь она неладна?! А впрочем, и в благодарность ей, так как без нее и не было бы меня!? Во всей моей психее и кривизне, проявляемой всегда и повсюду из жизни в присутствии среди других до самой смерти в упокоении души?! Только вот, творчество-то уже и может успокоить душу, не успокаивая лишь по-смертно, а в предвечности перед вечностью? Что и происходит от ленно-ленивой жизни в проявлении ее всего лишь к физически смертному концу, где душа автоматически и успокаивается, без прикладывания на то метафизических усилий [1].

Творчество поэтому и есть успокоение души на уровне достижений из этого мира в высшей инстанции со-вести. Перед ней отчитывается из творчества человеку как третьему существу. Из этого мира — от промежуточности его в нем и до «самостояния» под небесами, которое и есть «залог величия» его (А.С. Пушкин).

По нашему соображению, это завершенное состояние из совершенных достижений в совершенстве — в потугах, позымаю в исполнении призывов оттуда—сюда к совершенству.

В творчестве человек совершенно в совершенстве перекрывает (завершает) в безусловно окончательной раскрытости (с намеками-символами на абсолютность) из ничто на все. Между ничто и все по творчеству третьего существа человека уже нет, а есть сам человек душевно-духовный. Из души пронзительный, проникновенный в сокровенности, в духе настезь раскрытый в бесконечности — из разумности — перед вечностью.

«Совершенное не бывает завершенным» (И. Гете). Нет, бывает, герр Иоганн! Только это не Венера Милосская с отбитыми руками, а совершенная раскрытость человека из одинокого брожения среди себе подобных в ненахождении себя в них, а нахождении из-под-небесия к занебесию в завершении дел из мира сего на уровне со-вести вселенского существа в себе и для себя от третьего Мы в Я (символически в призыве), из человеческого в человеке (которое и, завершаясь, совершается, если, даже совершаясь, и не завершается).

И это не обязательно полет-вылет в космос. Потому что это всего лишь физика. А человек метафизичен. Ему теперь и тут же подавай — как на духу. Чтобы, во что бы то ни стало, сбывалось. О чем он тайно и лелеет всегда в надеждах, а особенно во сновидениях, когда зовется от души в теле, не умещаясь в нем из сего мира. Во сне-то мы и летаем, потому что в нем и упираемся в кошмарах. Вероятно, так и раскачивается метафизически в них к необходимому до невозможности отрыву-подъему отсюда—туда к свободам на вселенские просторы и по существу своему как всего лишь третьему в этом мире среди других в равенстве себеподобия.

Ну и постмодерн, и никак отметившись по-структуралистски из структурализма таким-то образом в третьем существе человека, не мог и не может до сих пор справиться в том же, на что он и набрел стихийно и невольно, отчаянно в ломке традиционности в самой стихийности и суматошности, неопределенности и неудержимости и т.д. этого феномена (в феноменальности) человеческого в человеке? В общем постмодерн в постмодернизме споткнулся до провала в «третьем человеке» из XX века, как уже начавшейся глобализации в информационных трансформациях из междусубъектного мира людей в цивилизации от культуры. Ну, да и это началось с майских событий 1968 года, когда взбунтовалась молодежь с ее лозунгами: «Мы не хотим жрать труп, культура мертва!» А там далее и после все более отпады, до сих пор продолжающиеся от культуры...?

Ну, а в целом, постмодернизм, и постмодерн тоже под основой его, не то что после модерна следует в исторически линейном времени как из той же самой повседневности в новации, а то что надстраивается сверх или поверх модерна в его дырявости и законченности из старения, прохудения или подстраивается под модерн, не в силах и невозможности уместится-поместится в модерне, из того что в результате распада его получилось в центробежной разбрасываемости и выбрасываемости на задворки истории. Отсюда не случайно и обращение представителей постмодернистской элиты на Восток к дзен-буддизму и даосизму относительного того же языка, который на Западе вроде как уже изжил себя в рациональности или точнее кончился на рационалистской службе, используя как рабочий, то есть сподручный, инструментальный язык вообще, в познании годный до сих пор для установления мировоззрения.

«Пост» — это совсем даже «не после», как бы и не силилось таким образом представить самим постмодернистам ситуацию в культуре западного общества. Но осознания этого не хватает от того,

что «рубится сук», на котором постмодернисты и восседают. «Конец искусства», как и «смерть автора» (а хлеще: «дадаизм», «игра», «анархия», «привидение», «шизофрения», «ирония» и т.д.), — это конец центрированного искусства по меркам Европы, достигшего всех возможных высот именно на Западе, «смерть автора» — это смерть расхожего автора в европейском обществе, от письма через книгопечатание до информационного блогерства добравшегося и доставшего себя в том как писателя (и всякого творца в товарной творности) в глобальной распространяемости его произведений «без сучка и задоринки» по всему свету. Он кончается в своей тиражируемости из беспредельности в сем мире, поскольку и сам этот мир кончается как послушный к повелениям из разума, даже в чувственных одеяниях как было в прошлом. И это просто конец разумности в себе подобии человека, как и вообще во всех остальных, отсюда вытекающих и подсекающихся концах-постах.

Постмодерн — это намек на то, что свыше решимо для культуры в ее тупиках из мира этого, в котором и бредится теперь к сверхвозможным выходам из себя в ничто человеку от разумности к чувственно-сверхчувственному. Возможно, это будет нечто вроде «дао» или «душа из самого духа» как душа в духе (душа=дух)? Но на Востоке все же не будет хватать человека, в смысле человеческого в человеке, как бы в том не изошрялось постмодернистам в признательном копошении из восточных традиционных установок. И Западу надо сказать спасибо за проблему человека, которая перекочевала туда от евразийских мыслителей постреволюционно, как в том же В. Бердяеве и других философов?! И напряглась до предела за весь XX век, чтобы разразится, не разрешаясь постмодернистски — скандально? Даже претенциозно для всего современного общества во глобализации из информационного опоясывания и паутинного перекрытия — перемыкания из Интернета над разумом в головах людей в их же обособлении всесветном друг от друга.

«Дао» не случайно привлекает к себе внимание из постмодернизма, где-то там в поднебесие разрешима проблема человека отсюда–туда? Но разрешима в отрешенной завершенности из творческих достижений в совершенстве их отсюда–туда по вселенскому предназначению человека как раз в том. Но и из этого великое дело творчества — не в отлете отсюда–туда, а в возвращении оттуда–сюда, т.е. в претворении творчества, коли оно уже случилось или было уже случаем события из прошлого в истории. Поэтому и Лао Цзы, и Конфуций, и Будда из прошлого, в котором они могли состояться, но по должному и не могли, поэтому и не состоялись фактически, теперь по глобализации из информации их пора настала к актуализации из подлинного времени оттуда–сюда. Они просто были преждевременны относительно того безвременья, в котором они и пробавлялись как бы временем тогдашним, которое текло все своей чередой событий. Разве только Великая Китайская стена их оправдывает, к которой они, конечно, и не имеют никакого отношения, но все же им как-то так укрепилось утвердилось косвенно в Под-небесии?

Но впрочем, ведь подобные мыслители были в свое время и в Европе? В чем тогда дело? Почему к «машине» обращается за вспомоществованием? Не опять ли дело в «проблеме человека»? Которая рациональным Западом отодвигалась из научного рассмотрения на «задворки истории», даже при так называемом научном подходе к ее решению? Или именно в научном как объективном решении она и не решалась, а заслонялась рациональными шорами в глазах как из точки зрения и даже во все новых варьирующихся, нескончаемых до сих пор точках зрения. Ну были мистики, были и рационалисты и волюнтаристы и т.д. Была художественная литература, кроме науки, была вообще культура, которая потрясает до сих пор человечество относительно человеческого в человеке. «Быть или не быть?» — одно чего стоит у Шекспира, на который, кстати, он сам и не дает ответа как и должно быть в том, что следует ожидать, не ожидая от философских *размышлений в вопрошании из искусства культуры*.

Мудрость приходит на помощь разуму

Иллюзорное (линейное) время сворачивается на нет до ничто, в пустом пространстве круговерти будничных повторов. Так оно и должно быть воистину из творчества в касании мирам иным из этого свернутого в себе мира под небесами. Но иллюзия протяженности (этого времени) эмпирически держит в цепях современности как вообще пространственной современности из четырех сторон света, сведенных в створках (двух сторон) из прошлого и будущего.

Иллюзия времени до пустоты вроде, субстанциально пространна в пространстве родовой самоорганизации, с фундаментальным обоснованием и перекрытой крышей общежития в «доме бытия», то есть в языке уже? Так и успокаивалось в душе из духа превышения себя над родом (вроде от рода).

Отрыв, разрыв и прорыв из иллюзии времени поэтому всегда был не «чуть-чуть творчеством», из тотальной пустоты бытия родовой жизни (в присутствии из отсутствия) совершаясь, он заведомо опирался на всеобщее (обще-родовое) равнодушие в духе из героизма (в подвиге) одиночки, на то

избранного в собственной душе из всеобщностной и мятежной стихийности духа, к тому чтобы им уложилось в страдающей душе (которой «за всех обидно»)...

Время гасилось к опыту и тем самым опустошалось пространно из эмпирической доступности как лежащего под ногами времени на дорогах земных, начиная со следов, колеи и кончая современными коммуникациями до небесных сообщений в сообщаемости отсюда–туда из отсюда–сюда.

Такое иллюзорное время, которого на самом деле не было никогда, но оно всегда было, как это ни парадоксально, во всей писаной и неписанной истории — эмпирически, конечно. А потому и периодически кончалось, то есть по эпохам исчерпывалось. Время было, чтобы не быть в нем человеку из человечества?! [2].

И революции были катастрофическими — в отвращении от пустоты родовой жизни, «в общем довольствовании» от общего в жертвовании душ из одиночества. Но устанавливалась власть частного в разведении к люфту, допуску мерному, законному под видом общей справедливости, формальной истины в показательной правде, из слов составляемой и прописываемой к предписанию и обязательному исполнению всеми представителями из рода *homo sapiens* и баста.

Но именно из того, что время периодически кончалось и взметывалось вверх от рода человеку, одновременно с установлением иной эпохи (*epoche*) — воздержания к сдержанию в пространстве сего вновь обозначенного в границах-пределах-измерениях мира в со-держательности из формальных допусков к жизне-существованию (в полисе, государстве, империи и т.д.).

То есть это как раз одновременность разновременного, поскольку одновременность бытия отсюда–туда и отсюда–сюда постигалась, достигаясь творчески — в предтечности расплыва, расползания, распространения в претворении (из душевно-духовных достижений) к сдержанию на том в формальной со-держательности эпохи. Так что, по эпохам как-то так «тащилось и не пушалось»?!

Но все-таки выбиралось из иллюзии времени, при всей его жесткой предзаданности в физическом течении от прошлого через настоящее к будущему — к подлинному (роковому) времени, открывая его отсюда–сюда, из «нет» времени к «есть» времени, в пустоте пространного пространства до (чувственно невоспринимаемой) престранности его (для души) в отношениях меж собой из разума в со-знании бытия, которое никак, далее сверхразумно (в духе) не хочет раскрываться само по себе, хоть «кол теши на голове», тресни в ней из самопознания, но что и достигается, настигаясь в постижении из творчества всемирно-вселенски, и с «богом в душе», кстати, тут же, что для религии очень даже легко схватывается, а для философии — нет до сих пор, несмотря на Платона, да и на Гегеля тоже?!

История преходяща, пусть и с «эпохами», «упадками и возрождениями», «реформами и революциями». Она есть протянутая в иллюзорности времени обычного до невозможности в беспредельном натяжении на разрыв, что теперь кажется становится глобально понятным из информационного конца времени. Время скручиваясь, скрутилось до всемирного затмения в разуме от души человека, оно завязалось (связалось) окончательно на роду человеческом, над человеком в человечестве, будучи пустым в пространственных связях из средств информации. От того и страдалось душе в телесных связях как общественных отношениях, ей невмочь быть наряду, сравнительно с другими душами, так же как и она будучи в телах. И только в нем не разговорно — жестикулярно, мимикой, звуками — сообщающихся друг с другом в дольном ничто как нейтральной общественности из рода в себе.

Единственная отрада вместе со страданиями от этого в душе, но с надеждами на открытие отсюда–сюда — это сновидения, в которых время и снится, встречаясь уже отсюда–туда в забвении до самозабвения телесного. В них мы от рода междумирны и даже порой средостеничны в пересечении отсюда–туда мира сего, вместе с ним раскрываясь в подъеме от души в духе. Но это редкие в вещании отсюда–сюда из вечности сны и даже при всем этом не принимаемые к осмыслению, учету в разуме наутро, при ясном дне, перед которым душа сникает и вновь погружается во «мрак всесветности» из внешнего мира, в себе уберегаясь, конечно, в своей тайне несказанности вне себя напрямую, в разговоре из слов разговариваясь, проговариваясь и как бы в том, ни с того ни с сего навязываясь не к месту и неуместно среди других в разумности таких же человеческих существ. Днем-то торжествует разум. Да, впрочем оно так и должно быть. Мало ли, что может присниться. Но если во сне приоткрывается без ясного раскрытия из ведений в нем, как же быть при этом уже и отсюда–сюда, это как бы «полу-отсюда–туда», не достающая до времени, но всего лишь «царапающая по пространству» из эмпирии душа в бездуховной немощи, она хотя и просматривает, усматривая и переживая в опыте случившегося иной мир во времени вещания-предписания к переможению мира всего, но вот тут-то и наступает бессоница размышлений в сумраке ночи из стиснутости в престранных обстоятельствах из воображаемого, представляемого и видимого в очевидности пространства сна!?! Сон — посредник в

междумирья, приоткрывания нечто в намеках отсюда–туда, требует в своем стихийном опосредовании и еще душевно-духовного опосредования как ото-разумного уложения в уме, чтобы наступила случаем одновременность в истине бытия как самостояния человека во вселенском состоянии из состоятельности творчества.

Бессоница мучает к неперемennomу и тут же возвращению, если все-таки поднялось отсюда-туда в приподнятости раз-решения из разумности всеподобия, чтобы убедилось что вообще освободилось из мира сего в себе и для себя!?

Видимо (во сне) и поднимается условно, в завязке из времени линейного:, во взваливании на себя из души, во разуме познанного, во разуме, что из духа творчества отпустилось к долу мира сего, в его пустоте из ничтожности ничто в точности обретаемого отсюда-туда из оттуда-сюда? Вселенски определяясь в нем?

Уложить-то нужно мир сей в его «разъятии на труп, чтобы поверить алгеброй гармонию»? Ему выносится «приговор перед небесным судом»?

И бессоница, спится-не спится (уже не снится) к ничто. То есть в ней тянется не ко сну в душе, а ко сну телесному как убитому, чтобы уже быть в телесном пребывании среди других в разуме, ото дня обычного, но в возможности этого от того, что привиделось во сне? Бессоница вопрошает, дескать, «ну и что же из всего этого, что приснилось следует, что с этим делать и как, главное таперича быть?!». В небытии, которое там приоткрылось, усмотрелось отсюда–туда?

Проблема ничто со-всем размахом вселенским встает перед возвращением из сновидений, если вообще в них какой-то толк и смысл кроется, таятся?! К возвращению ничто и открывается отсюда–туда из реального (видимого) пространства — во пространстве воображаемом как вещем от вечности. Эмпирически данное пространство растворяется, расплывается, а то и просто отрицается, чтобы было извне его во вселенской размашистости из души в духе. Но с определенностью как переопределенностью в разуме отсюда–туда.

С разумом в опосредовании душевно-духовном поднялось-разорвалось из иллюзорного времени и к разумности в разуме отпускается, опускаясь в нем к определенности бытия из приоткрытого ничто до полного открытия в наполнении бытием в разуме как в со-знании родового бытия.

В возвращении из бессоницы вместо ничто устанавливается бытие от рода человеческого. И это дорогого стоит! По человечеству! Потому и «не спи, не спи художник, ты вечности заложник у времени в плену» (Б. Пастернак) и не спится не к торжеству победы над сим миром, а к бытию из него в ничто, в полумраке ночи обозначаемом и обнаруживаемом из пространно-пространственной стисненности от души и «пред-духа» в разуме. Через разум пропустилось в «ничто отсюда–туда» и от сверхчувственного в предельном его напряжении до сумасшествия в нем и через него к нему и возвращается, чтобы сообщилось (к восприятию) «братьям по разуму оттуда–сюда» чувственно и даже молча в том, что добылось от души. Это и называется — «Дело надо делать! А не разговоры разговаривать».

Но тут еще и с философией нужно обойтись достойным для нее образом во исполнении вселенского предназначения в творчестве человека? А дело в том, что «любовь к мудрости», кажется, должна и может обернуться мудростью в исполнении творчества из любви во вселенской тяге к единству. Бессоница-то и наступает в пожилом возрасте, как, впрочем, и склероз, но об этом в другой раз, хотя можно сказать и сейчас. От вечности начинает жить с возрастом в отрыве от себя на натяжение в сверхчувственности, так что и обрывается связь с прошлым, но актуализируется связь настоящая, в настоящем свыше оттуда–сюда. Это зависшая в надмирности и состоятельная в могуществе творчества престранная пространность междумирья в человеке, уже вполне совпадающего с родом в себе и для себя. И из рода в любви по-настоящему и творится.

Разум в роде — это разум в себеподобии для человека из рода, но это сравнительное себеподобие из внешних отношений индивидов друг к другу в их обособленности телесной друг от друга, как единичных особей рода человеческого. И в разуме подобия они равнодушны друг к другу. Хотя и тут возможны грехопадения, несмотря на половые различия или сходство. Ну, а там и все остальное как само собой разумеющееся до подразумевания в бессознательном и чуть выше в подсознательном. Ну, а в сознании разумности — полная перекрытость из рода человеческого во властных инстанциях и до божественного пригляда сверху-вниз.

Но бог — это и любовь одновременно, которой не хватает физически оттуда–сюда на земле. Вселенная вообще физически разбегается от первоначального взрыва, как известно, из астрофизических данных. А потому и любовь — удел человека, для которого должно хватить (от него) мудрости

поддержания и исполнения в творчестве. Впрочем, об этом уже говорилось и к этому призывалось в «непротивлению злу насилием» и в «не-деянии» в восточных философских установках, и в «категорическом императиве» у Канта и т.д. Только вот, относительно ли все это к творчеству?

Да, мудрость из любви к совершенству может претворяться в творчестве. И это, может быть, и будет исполнением вселенского предназначения, потому что неопределенно (абстрактно) сказать, что «творчество из ничто», а надо чтобы это само ничто было определено не в пропадшести-отпадшести разума к миру сему или не только и не столько в этом как самопотере человека из рода сквозь себя до дна души среди других, а чтобы именно из любви к мудрости мудрость исполнилась в любви к совершенству совершенно по творчеству, в манифестации или хотя бы в демонстрации самой мудрости, что она имеет место быть в достоинстве вызова к многотерпению до бесконечности перед вселенной, о чем и может быть засвидетельствовано как факт в творческом проявлении — подтверждении (о том). Поэтому даже не много-терпение нужно в сверхразумной мудрости подозревать-прозревать интуитивно, а все-терпение человека в человечестве и не перед вселенной, а из вселенной как космическую мудрость в космополитстве? Для человека уже оттуда-сюда из отсюда-туда? Это, наверное, и может быть уже и состоянием пространством в прострации отрешенности из сего мира? Где все напасти судьбы предрешены и вполне ожидаемы, чтобы от них спастись в готовности предупреждения? Ну, собственно, это и есть состояние не из мира сего? И выше разума от души в духе из расположенности в тяге любви к совершенному из творчества в его претворении не от мира сего, но именно из мира сего. Во мудрости из любви к совершенству обнимается от и до в целом мир сей из себе подобных, но в том и признаваемых к творческому одобрению и освобождению в совершенстве свобод из бытия в присутствии.

Но мудрость «не сбоку припека» к сему миру в его протянутости из иллюзии времени и не от крота, «роющегося в почве культуры» под цивилизацией «возносится» до совы Минервы, вылетающей в полночь, если уж прибегнуть к известным символам-образам ее как доступной в наглядной представимости, но опять-таки при этом в философской рефлексии о вертикали самостояния человека во вселенских измерениях. Во мудрости обнимается снизу-вверх, да, при этом, тоже ничто, но в нем и разнимается из себе подобия в разуме, утверждаясь в душах как свободах отсюда-туда из духовной гармонии между ними, до небес звучащей органно в музыке сфер.

Мудрость просто обнаруживает ничто между людьми как они есть в этом мире, в том, что они есть сами по себе врозь и в обособлении.

Но мудрость и устанавливает справедливость из этой обособленности, потому что она мудрость из любви к творчеству как совершенству из этого мира. И она-то и приходит на помощь разуму, который, бедный уже не в силах поделаться с собой ничего в своем беспредельном распространении из себя в центробежности из рода, вроде себя в том и сохраняя в рациоцентризме. Что и над-лежит тягототиной ноши на научно-техническом прогрессе, а то и торчком торчит во кресте проклятия из человечества во всепознающих устремлениях вокруг себя и над собой тоже?!

В религии уже было схвачено, что «познание — грех», ан нет, крест, его парадоксальным образом отвергая, допускает?!

В мудрости трансцендируется сама разумность — из чувственного в сверхчувственности, в вертикали бытия. Потому что только в ней можно выдержать разум в переступании к творчеству. И разум оказывается со-держательным в ничто по человечеству в субстанциальной наполненности из познанного в мире сем. И в мудрости-то и отсекается субъективность субъекта в субстанциальности познания, который все еще норовит прицепиться в научном познании в хорохорящемся достоинстве познающего как подлежащего-субъекта в человеке как ученом муже, да простится таковой выпад, но это так и есть на самом деле?!

Во мудрости не человек познает мир, а мир познает себя в человеке, и это мудрецами всегда выдерживалось и поддерживалось, начиная с древности, но отправляясь с Просвещения стало теряться в человечестве из познания как активности человека от ума, в круговую от него в своем уме, не замечая того, что в уме и торчит человек в ничто из вселенной. Ну, а что касается творчества, то оно и редуцировалось к познанию, а потому и грешилось, грешилось и не только в религиозном смысле как «вкушании от запретного плода для любовного акта в соитии телесном», но и преимущественно в раздувании зла ничто в посредственности технических достижений как средств в среде обитания, так и внутри этой среды между людьми в интересубъектности. А теперь вон, все стало и становится трансубъектным вдоль и поперек человечества в его глобализации.

Тут уж невольно философия из «философии» просится к «Софии из филое» для творчества во спасение человеческого рода от бездушного и даже неразумного познания. А оно в том, что познается, и вообще, и, в частности, мир внешний от человека и мир внешнего для человека, включая космос, а там и всю вселенную, в которой как будто бы не находится места ему. Физически это так, но метафизически совсем не так. И пора философии в поклонении Софии наступает вовсю для всего человечества.

Заключение

А неволя творчества — это любовь, которая диктует свои законы в выборе, предпочтении, вкусах до самоотвержения к тому, чтобы реализовалось от души?! Исполнилось во что бы то ни стало?!

Бродится ногами в одиночестве, а все остальное в телесном существе и есть ничто — от чресел до головы? И руки не к чему приложить?!

Да, но «как пришлось, так и должно возвратится», а это и есть головой вперед, и оттуда—сюда и отсюда—туда?! А не ногами вверх — так приходится, а возвращается нужно от ног уже в самостоянии?

Поэтому, может быть, «правда действительно не в ногах», это-то и испытывается в одиночестве как несостоятельности по любви?

Через пространство и время — от физики к метафизике. Однако в самостоянии человека — из культуры от души в духе. Тут и Кант и Пушкин?!

В центре мира сего человек не уместается в нем. И он всегда больше самого себя из пространства во времени как существо не от мира сего, всякий раз приходящее сюда и возвращающееся на прародину. Это называется творчеством?!

Список литературы

- 1 Колумбаев Б.Е. Хроно-топос человека / Б.Е. Колумбаев. — Караганда: Изд-во НАО «Караганд. ун-т им. акад. Е.А. Букетова», 2021. — 318 с.
- 2 Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выст. / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1993. — 447 с.

Б.Е. Колумбаев

Жоқтан болмысқа қарай тікелей өзін тану

Мақалада «ШЫҒАРМАШЫЛЫҚҚА...» кітабының бір бөлігі берілген, онда уақыт пен кеңістік адам хроно-топосында қайта ойластырылған, яғни онда ол жерден осы уақытқа дейінгі уақыт кездесуінде жартылай ашылған жаны бар әмбебап күйде бейнеленген, себебі, рухтағы жанның ақыл-ойды «ештенеге» делдал ететіні және адам «мәнсіз мағынасыздықтан» ашылып, жан-рухани өзін-өзі қамтамасыз ететіндігі жарияланып, көрінеді. Жүргізіліп жатқан зерттеулер барысында адам белсенділікте, қарым-қатынаста, шығармашылықта берілген және қарым-қатынаста уақытпен күресу, шығармашылықта абстрактілі Мен және нақты Басқаның үйлесуі арқылы анықталатын әлеуметтік тұлғаның аралық күйі ретінде ашылды. Адам жеке тұлғалардың қалыптасып келе жатқан алуан түрлілігінен артта қалатын қоғамдық қатынастарда бекітілген формальды бірлікпен бірге адамның рухани бірлігі ретінде де бекітіледі. Еркін даралықта кездейсоқ индивидті жеңу үшін сыртқы шектеулерден ішкі (субъективті, жеке, бірегей) шексіздікке, дүниетанымға теориялық ауысу қажеттілігі ашылды. Адамның тағдыры осылайша бұл дүниеде білімге қайта оралады. Ол, эрине, өзін-өзі тануда байқалады, өйткені ол мәңгіліктен «болмайды», бірақ ол шынайылықтағы адасудан және түсіндегі ескертулерден жанның соңғы ақиқатында оған тәжірибелі оралу арқылы шабытпен ашылады. Уақытты түсіну адамға ғарышта осы дүниеде қол жеткізуге болатын мүмкіндіктер ашады. Олар еркіндікте жүзеге асырылады, бірақ тек ерік бостандығы ретінде.

Кілт сөздер: хроно-топос, адам, уақыт, кеңістік, шығармашылық, өзін-өзі тану, жан, үшінші адам, адам философиясы.

B.E. Kolumbayev

In the vertical of self-knowledge — to being from nothing

This article is part of the book “To creativity...!?”, in which time and space are rethought in the chrono-topos of a person, in which he is represented in a universal state with a slightly opening soul in the meeting of time from here to there. It is declared and manifested that the soul in the spirit mediates the mind into “nothing” and from the “pointless point” a person opens up, rising in the soul-spiritual self-sufficiency. In the course of ongoing research, the human was revealed as an intermediate state of a social person, given in activity, communication, creativity and determined by the struggle with time in communication, the combination of the abstract Self and the concrete Other in creativity. The human is also fixed as the spiritual unity of man, along with the formal unity fixed in social relations, which lags behind the emerging diversity of individuals. The necessity of a theoretical shift from external limitations to internal (subjective, individual, unique) infinity, worldview overcoming of a random individual in a free individuality was revealed. Man’s destiny is thus seen back to knowledge in this world. It is noticed in self-knowledge as it “is not” from eternity, but as such it is revealed in inspiration with an experienced return to it in the final truth of the soul from delusions in reality and warnings in a dream. The comprehension of time opens up opportunities for man in space, which are achievable in this world. They are realized in freedoms, but exclusively as free will.

Keywords: chrono-topos, man, time, space, creativity, self-knowledge, soul, third person, human philosophy.

References

- 1 Kolumbaev, B.E. (2021). Khrono-topos cheloveka [Chronos-the topos of man]. Karaganda: NAO «Karagandinskii universitet imeni akademika E.A. Buketova» [in Russian].
- 2 Khaidegger, M. (1993). Vremia i bytie: stati i vystupleniia [Time and Being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika [in Russian].